

Три раза в году совершается празднество Владимирской иконе Пресвятой Богородицы в благодарность за троекратное избавление Ее помощью нашего Отечества от врагов:

1395 г. - избавление Москвы от нашествия Тамерлана, празднование 26 августа / 8 сентября, СРЕТЕНИЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

1480 г. - спасение Руси от хана Ахмата и окончательное падение монгольского ига, празднование 23 июня / 6 июля,

1521 г. - спасение Москвы от нашествия крымского хана Махмет - Гирея, празднование 21 мая/3 июня.

Наиболее торжественное празднование совершается 26 августа / 8 сентября, в честь сретения (встречи) Владимирской иконы при перенесении ее из Владимира в Москву в 1395 году. Было же это перенесение так.

Хан Тамерлан направлялся к Москве. Великий князь Василий Димитриевич молился святителям Московским и преподобному Сергию о спасении Отечества, просил митрополита Московского, святителя Киприана, чтобы наступивший Успенский пост был посвящён усердным молитвам. Во Владимир, где находилась прославленная чудотворная икона, было послано духовенство. Крестным ходом понесли икону к Москве. Бесчисленное множество русских людей, стоя на коленях по обеим сторонам дороги, молились: *"Матерь Божия, спаси землю Русскую!"*

В тот самый час, когда жители Москвы встречали икону на Кучковом поле, Тамерлан дремал в своем шатре. Вдруг во сне явилась ему в лучезарном сиянии Величавая Жена и повелела оставить пределы России. Проснувшись в трепете, Тамерлан дал приказ полкам отступить.

ВЛАДИМИРСКАЯ

(отрывок из рассказа Н.В. Блохина)

– Хаим, отчего мы так долго стоим, отчего не идем на север?

– Ты объявил отдых воинам, о, повелитель, – Хаим улыбался своей неподражаемой улыбкой.

– А та доска большая?

– Той доски уже там нет. Как доносят мои лазутчики, она на подходе к Москве.

– На подходе? А что, у нее ноги есть?

– Ноги есть у того, кто ее несет, – улыбка исчезла, – а ног много.

– Они что, уносят ее, что бы мы ее во Владимире не взяли? Так в Москве я буду раньше.

– Нет, о, пытливейший. Они сейчас всей землёй бьются о землю головами своими перед этой доской, чтобы ты не был ни в Москве, ни во Владимире.

– Ха, действительно лишний народ в моей вселенной. Опасный народ. Их головы только и годятся, чтобы биться о землю и падать на землю от моих мечей... Да будет так, – зевая Тамерлан ушел всем телом в тигриную шкуру, – завтра, уже сегодня, – дорассветный подъем. Пора кончать с ними, ха-ха-ха...

Замер смех, хуже даже, подавился смехом Тамерлан: он увидел, как растворяется в черном воздухе его шатер. Звезды яркие теперь были шатром. Он был один в степи. Шкура тигриная была под ним, меч рядом, но больше никого. Войска, с которым завоевано полмира – не было. Ничего и никого не было, только звезды и он сам, Тамерлан, владыка мира. Один на тигриной шкуре. Но... Это уже не чудилось, не казалось, он услышал вдруг подземный гул приглушенный, в грохот переходящий, так начинается землетрясение, он знал. Хотел вскочить, но будто прилипло тело к тигриной шкуре, не было сил не только вскочить, но и просто, крикнуть. Стих внезапно гул-грохот, и он увидел на вершине вала – Ее. Она! Будто из той доски, на которую плевал Хаим, ожило изображение Ее. И невозможно ослепительное сияние вокруг головы. А за ней какие-то крылатые светящиеся. А рядом с Ней какой-то невозможно – страшный, красный крылатый и взгляд, душу пронзающий, тело убивающий... А в руке у него рукоятка вроде как от меча, а от рукоятки не лезвие, а пламя, с ревом низвергающееся пламя, бьет в землю в нескольких локтях от хромой ноги владыки мира.

«Одного этого красного с мечом хватит на все мое войско», – пронеслось в ошалевших, пристывших извилинах Тамерлана. И тут услышал он голос Ее:

– Видишь ли ты Меня, железный хромец? Слышишь ли?

– Да, – едва выдавилось из царственного рта, – вижу, слышу.

– Узнаешь ли?

– У...узнаю... Не сверкай так, ослепну... – и сквозь закрытые веки проникала необыкновенная, ослепительность от Ее головы.

– Ослепнешь. Коли слышишь, слушай, пока не ослеп. Ты вторгся в запретные пределы. Эта земля – Моя. Здесь милую и сужу только Я. Уходи. Если к полудню ты будешь еще здесь, здесь ты и останешься навеки с войском своим...

Ударило огнем из меча крылатого в лапу тигриной шкуры, вскрикнул Тамерлан, рывком назад отполз... Не было ухмыляющихся звезд, снова он лежал в своем шатре. Что это было?! Да было ли? Было. Дыра в тигриной лапе и обугленная земля в дыре, – первое, что увидел очнувшийся владыка мира.

Схватил шнур и все дергал и дергал в истеричном изнеможении и что-то кричал. Очнулся. Увидел перед собой ошарашенных военачальников, свиту, Хаима с обоими помощниками.

– Прости меня, о, расслабившийся, все ли ты вспомнил из своего сонного видения, что мы все сейчас слышали? То, что ты нам поведал, собрав нас?

– Это было не сонное видение, Хаим. Я не спал!

– Спал, повелитель! Ты спал, Тамерлан!

Удивленно воззрился на великого визиря железный хромец. Так с ним говорить не было позволено никому, даже Хаиму. Хаим бесстрашно глядел в глаза царю царей.

– Да, ты спал, государь! И не пристало владыке мира прислушиваться к бабьим голосам, во сне приходящим. Мало ли какой мне был сон. Могучий Тамерлан испугался бабы в своем сне?! Моя шея к услугам твоего меча, моего подарка, но я не откажусь от своих слов!

Бабий голос? И вновь ожил Ее голос и послышался гул, будто от начинающегося землетрясения.

– А тебе ничего не снилось, Хаим?!

Не выдержал тамерланова взгляда Хаим, опустил глаза.

– Мне сны не снятся, повелитель, я крепко сплю... Я страшусь того решения, что зреет в тебе, о, решительный. Что скажет войско?

– Она похожа на ту, на доску нарисованную, как две капли воды, – не узнал своего голоса Тамерлан. И никто из окружающих не узнал, аж вздрогнули все разом военачальники великого полководца.

– А ведь не спал ты, Хаим. А в тебе нет того голоса, что есть во мне? А?!.. – страшным шепотом прошептал Тамерлан, – а ты! – возвысил он голос до крика, – даешь ты мне гарантию, мне! И войску моему!.. И вот им, военачальникам моим, братьям моим по оружию!.. Что угроза эта... не спал я, Хаим!! Что угроза эта ничего не значит? Всем команда: полный сбор, по коням, строиться в походный порядок. Движение на юго-восток, к Волге, по дороге, до самой Волги никого не трогать, темп движения – скорой рысью. Всё!...

Прижав уши, не рысью, а полным галопом мчался несравненный ахалтекинец, красавец Айхол, погоняемый царственным хозяином. Никогда Айхол не знал хозяина таким. Чувствовал красавец Айхол, что никогда больше не ступят его копыта на эту землю, откуда вот так, без боя, уносит он своего хозяина.

Сам же хозяин скакал с закрытыми глазами, которые видели обгорелую землю в дыре тигриной лапы, а уши его еще были наполнены тем голосом, которому поверил он, уводя с собой свое непобедимое войско.

И нанося плеткой очередной удар своему Айхолу, чувствовал он зависть к этому беззащитному без войска народу, который не нуждается ни в каком войске, пока защищает его Та, Которая сказала ему:

– Эта страна Моя, здесь сужу и милую Я.

В память о чудесном избавлении Русской земли от Тамерлана на Кучковом поле, где была встречена икона, построили Сретенский монастырь.

Встреча Владимирской иконы Пресвятой Богородицы на Кучковом поле

Сретенский монастырь в Москве

После этого события чудотворная Владимирская икона Божией Матери осталась в Москве навсегда. Её поместили в Успенском Соборе Московского Кремля. Перед ней помазывались на царство цари и избирались первосвященники.

В советское время икона находилась в Третьяковской галерее. Сейчас её передали Храму святителя Николая в Толмачах (м. «Третьяковская», М. Толмачевский пер., 9).

*Перед иконой
в Сретенском монастыре*

О ПРАЗДНОВАНИИ ВЛАДИМИРСКОЙ ИКОНЕ 8 СЕНТЯБРЯ 1995 ГОДА

*«Иисус Христос вчера и
сегодня и во веки Тот же»*

(Евр.13:8)

Из книги Архимандрита Тихона (Шевкунова)
«Несвятые святые» и другие рассказы».

«...Тогда праздновалось шестисотлетие события, в честь которого в Москве был основан наш монастырь, — Сретения Владимирской иконы Божией Матери, избавления Москвы от нашествия хана Тамерлана. Из Третьяковской галереи к нам в монастырь на один день была принесена древняя чудотворная Владимирская икона Божией Матери, главная святыня Руси.

*Крестный ход
8 сентября
1995 года*

В крестном ходе, начавшемся в Кремле и завершившемся в Сретенском монастыре, участвовали более тридцати тысяч человек.

Лил сентябрьский дождь. Святейший Патриарх и сонм духовенства в насквозь мокрых облачениях медленно шли вслед за иконой, а люди стояли вдоль улиц и когда великую святыню проносили мимо них, опускались на колени — в лужи, на мокрый асфальт — никто не глядел куда.

Был уже третий час ночи, когда, наконец, последний человек из огромной очереди, растянувшейся на несколько километров, вошел в наш храм и поклонился святыне. В опустевшей церкви перед возвышающейся на постаменте чудотворной иконой остались лишь те, кто обеспечивал ее доставку и сохранность: ученые-искусствоведы из Третьяковской галереи, сотрудники администрации города, высокие милицейские чины. Все стояли в молчании. Раскрывшаяся за эти часы картина народной веры была для них ошеломляющей.

Мы с братией в последний раз сделали перед иконой земные поклоны. Потом приложились к святыне, и я сказал чиновникам:

— *Вот сейчас — единственный шанс в вашей жизни, когда в такой день и в таком месте вы можете подойти к великой иконе и помолиться Царице Небесной. Через несколько минут икону увезут в музей. Я все понимаю: вы люди сановные, но не упустите этой возможности.*

Чиновники поглядывали друг на друга, переминались с ноги на ногу, смущенно улыбались, но не сходили с места. Думаю, каждый из них, будь он здесь один, с радостью поклонился бы этой древней великой святыне, попросил бы у Матери Божией о самом сокровенном. Но теперь все стояли словно деревянные. И вдруг один высокий милицейский чин, с мгновенно покрасневшим лицом, неожиданно выступил вперед. Он сердито крикнул, сунул свою фуражку какому-то майору и, поднявшись по ступеням к иконе, неумело положил перед ней три поклона. Громко чмокнул в бронированное стекло и стал что-то усердно шептать Матери Божией. Еще раз грузно поклонился до земли и, пятась, спустился вниз. Выдернул фуражку из рук разинувшего рот милиционера и, мрачно оглядев всех, отошел от всех в сторону.

— *Молодец, товарищ генерал!* — сказал я. — *За такое Матерь Божия вас никогда не оставит,* — И обернулся к музейным работникам: — *Все, увозите икону.*

Прошла неделя. Мы собрали на праздничную трапезу тех, кто принимал участие в подготовке нашего праздника — братию, многочисленных сотрудников монастыря, чиновников, наш хор. Просто чтобы всех поблагодарить. На трапезу пришел и тот самый генерал. — *А вы знаете, со мной ведь тогда чудо случилось!* — сказал он, поднимая тост. И поделился тем, что с ним произошло.

Когда ночью в храме генерал услышал предложение подойти к чудотворной иконе, он, как и все, поначалу просто испугался. Рядом стояли люди его положения и даже те, от кого он зависел. Но как раз в те дни генерала посетила беда: его старшая сестра, жившая во Владимире, попала в автомобильную катастрофу, у нее раздробило обе ноги. Там же, во Владимире, ей сделали многочасовую операцию, одну ногу собрали и уложили в гипс. Предстояла новая операция — на второй ноге, с длительным наркозом. Но сестра генерала была уже очень пожилой женщиной, и врачи боялись, что больное сердце может не выдержать этого испытания. В ту ночь генерал, решившись, подошел к иконе Божией Матери и прошептал Ей: — *Матерь Божия, мне ничего не надо, у меня все есть. А вот сестра... У нее завтра операция. Я боюсь, она не выдержит... Помоги ей!* На следующее утро генерал позвонил во владимирскую больницу, чтобы узнать, как проходит операция. Однако ему сказали, что никакой операции не было. На его недоумение врачи ответили, что утром перед тем, как везти женщину в операционную, ей сделали последний рентгеновский снимок, на котором вдруг обнаружилось, что раздробленные кости ноги расположены именно так, как им и следует, чтобы правильно срастись. По-видимому, ночью больная как-то счастливо повернулась, кости выстроились самым удачным образом, и медикам оставалось только, не теряя времени, наложить гипс.

Так во все времена переплетаются смиренная и всеильная вера в Бога и гроша ломаного не стоящие временные человеческие законы, ложный стыд и боязнь людского осуждения. Апостол Павел обнаружил важнейший, основополагающий закон нашего мира. И сформулировал его так: «Господь Иисус Христос вчера и сегодня и во веки — Тот же!»! Что можно к этому добавить? Только одно, древнее и радостное: Аминь!».